

Отклонение / Aberrant (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Отклонение / Aberrant (рассказ)

Автор	Крис Райт / Chris Wraight
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Хороших людей нет / No Good Men
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Город потел.

От Ревенны до Высокой Гряды, от старых Рубцов до нового Ногви, от плоских прибрежных грязевиков, где вялый ветер стонал над пересушенными черными травами, до высоких шпилей президиума из бронестекла и пластали - все крепко пропеклось и взмокло от жары. Рабочие размякали на своих местах, и на кончиках их носов блестели капли. Чиновники размякали в своих клетушках, сжимая перья в сальных ладонях. Владари размякали на своих тронах, едва поднимая руки, чтобы отдать приказ.

Агусто Зидаров, пробатор Бастиона-Ургеена, поднял взгляд на бледное небо, слегка наморщил нос и поймал себя на том, что молится о дожде. В городском районе Ургеена было два сезона, которые на своем пике стоили друг друга по невыносимости. Пожив достаточно долго при одном из них, ты начинал просить, чтобы начался другой. А потом, когда это происходило, хотелось снова вернуться назад.

Он прислонился спиной к непокрашенной скалобетонной стене. Плащ он снял три месяца назад и с тех пор за ним не тянулся. Рубашка была поглажена ночью, но сейчас липла к груди и животу, покрывшись мокрыми пятнами. На жаре становилось сложнее быть не в форме. Во время дождя он по большей части мог не обращать внимания, насколько прибавляет в весе. Под ударом же солнца чувствовался каждый лишний дюйм плоти.

Ему действительно требовалось привести себя в форму. Милия, его сожительница, упрасивала это сделать уже много лет. Тем не менее, они оба ели одно и то же, оба трудились одинаковыми изнурительными сменами. Если она этого и впрямь хотела, могла бы подать пример. Теперь, когда их дочь отправилась на военное обучение и жилье снова оказалось в их распоряжении, такое количество вещей должно было стать проще, чем раньше.

Жара не помогала. Было сложно даже думать, не говоря уж о работе.

Он моргнул, и его радужка – встроенная аугметика, обвивавшаяся вокруг скулы и уходившая в сетчатку – снабдила его последней порцией приказов. Большая часть деловой нагрузки была вполне под контролем – то, что он либо уже разобрал, либо мог проигнорировать, чтобы этим занимался какой-нибудь другой чурбан. Единственное, с чем он больше не мог тянуть – приоритетный вызов, переданный через городское инфо-облако из связного бюро Экклезиархии в элитном анклаве.

Зидаров не любил священников. Никогда. Многие липли к церковникам ради какого-то облегчения бремени своих перегруженных жизней. Он часто задавался вопросом, получали ли когда-нибудь эти люди какое-то особое удовлетворение. Церковь, похоже, больше стремилась взвалить на них дополнительные обязательства. Однако, возможно, так казалось только ему. Возможно, другие искренне находили успокоение своим душам, внося немного больший вклад в районную подать или лишний раз посещая алтари. За людей ничего нельзя додумывать. Может быть, все эти молельщики говорили правду, даже самим себе. Может быть.

Он глянул в сводку, виртуальные руны которой горели в его поле зрения. Жреца звали Ивген Аспарев. Он был высокопоставленным священнослужителем в Общине Востока, работал непосредственно на дьякона Станисласку и являлся одним из немногих, к кому, как говорили, прислушивалась старуха. Поскольку Станисласка была выжившей из ума каргой, уже давно променявшей последние остатки остроты ума на контрабандные бутылки слатова, это не означало особого почета. Вероятно, Аспарев управлял общиной более-менее так, как ему нравилось.

Также у Аспарева был привилегированный узел доступа к инфо-облаку, так что Зидаров при помощи радужки отправил ему уведомление, что находится в пути. Он знал, что наверное мог бы прогуляться до шпилей Экклезиархии пешком, однако с учетом жары решил взять машину и хоть на несколько минут спастись от мерцающего асфальта.

После этого он просто остался на месте, приоткрыв рот и глядя на небо.

День будет только жарче.

Комплекс Экклезиархии был стандартным. Безупречно стандартным, как и все они повсеместно. Не то, чтобы Зидаров видел много других – он мог судить лишь по другим объектам в Ургеене – однако ему было известно, что все они выглядят одинаково по всему Варангантюа, по всему Алекто, по всем мирам Империи. Для их проектирования использовались шаблоны – документы, священные сами по себе и бережно хранимые в казематах с мощной защитой, где их копили властители знаний, миссионеры.

Он выбрался из машины, напрямик в вал вызывавшей зуд влажности, и поднял глаза на здание. Оно смотрелось брутально. Боковины были отделаны массивным гранитом, в избытке покрытым резьбой в виде горгулий, ангелов и монстров с лицами-черепами, которые сплетались вместе, словно одурманенные гормонами подростки. У величественного входа находился щербатый золотистый портик. Все поблескивало – не только из-за потускневшего металла, но еще и благодаря едва видимому покрову репеллерного поля. Гигантские колонны поддерживали угольно-черные изваяния святых примархов, каждое из которых ухитрилось иметь подобающе благородный вид под засохшей коркой из помета палумб и атмосферной грязи. За громадной внешней стеной высилось несколько больших шпилей – все увенчаны черепами, все подсвечены прожекторами даже на плавящей жаре.

Проблема с воображением, подумалось ему. Это было уродство – даже большее, чем монолитные жилые блоки вокруг, и сильно облезавшее по краям. Возможно, соборы на самой Терре, образцы для всех этих провинциальных храмов, действительно выглядели впечатляюще. Возможно, они были сделаны из цельного золота и пахли не только стоками и отбросами.

Подступы к комплексу были заполнены потрепанными молельщиками, которые поголовно держались поодаль, сбившись в длинные очереди и терпеливо дожидаясь команды пройти вперед. Зидаров запер машину, проигнорировал оцепленные загоны и начал подниматься по длинной лестнице к первым воротам периметра. Охрана наверху была облачена в длинные белые рясы и носила громоздкие огнеметы. Глаза прятались за металлическими забралами, а видимую часть кожи лиц обильно покрывали татуировки. Несмотря на все свое вооружение, на жаре они выглядели вялыми. Должно быть, даже просто держать один из этих огнеметов было той еще задачей.

- Пробатор, Бастион-У, – сказал им Зидаров, показывая свою голопечать. – Прибыл на встречу с отцом Аспаревым.

Последовало некоторое количество болтовни по вокс-сети комплекса, и главный охранник отрывисто кивнул. Ворота с лязгом открылись, давая возможность зайти. Он еще не успел углубиться во внутренний двор, как ему навстречу вышла женщина в черном одеянии. Ее голова была выбрита, а кожа морщилась – сперва он решил, что там аугметика, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это, вероятно, штифты покаяния. Она прихрамывала, что, возможно, также являлось делом ее рук, а на поясе у нее висела электроплеть.

- Приветствую, пробатор, – произнесла она. – Пожалуйста, позвольте сопроводить вас в покои священника.

Зидаров с неудовольствием поглядел на плеть.

- Ведите.

Они миновали череду клуатров с плотными колоннадами и клокочущими фонтанами. В тенях вокруг шаркали послушники и молитвенные сервиторы, проговаривавшие благословения или заучивавшие катехизисы. Повсюду были статуи: Страдание Сангвиния, Решимость Святой Агаты, Мученичество Алектийских Покаянников. В неподвижном воздухе висел тяжелый запах благовоний, который

становился еще сильнее, когда они снова заходили внутрь и следовали темными и узкими коридорами, украшенными резными текстами.

Покои Аспарева располагались несколькими этажами выше. Служительница позвонила в колокольчик, открыла перед ним двери, после чего удалилась, не сказав более ни слова. Зидаров вошел в просторную комнату, выложенную множеством ковров и обставленную массивной мебелью. Стены от пола до потолка были покрыты портретами – кардиналы, святые, архидьяконы. Все они глядели с холстов обвиняющими пустыми глазами.

Аспарев сидел за одним из нескольких больших столов и встал поприветствовать Зидарова. Он был худым, с очень темной кожей, седыми волосами и острыми чертами лица. Его ряса имела темно-фиолетовый оттенок и выглядела сделанной из настоящего бархата. От него пахло Экклезиархией: благовония, плесень, едва заметный отголосок гари.

- Пробатор, – произнес он голосом, который был так же мягок, как и его облачение. – Благодарю вас, что пришли. Присядьте.

Зидаров отыскал кресло с жесткими кожаными подлокотниками, обращенное к узким окнам, которые выходили на север. Аспарев уселся напротив него, положив тонкие руки на колени. Его движения были обдуманными, точными, сдержанными.

- Пробатор, веруете ли вы? – поинтересовался Аспарев.

Ну и ну. Вот так вопрос.

- Мы все веруем, разве нет? – отозвался он.

- Не столь многие, как мне хотелось бы.

Было сложно понять, как такое может быть правдой. От каждого горожанина требовалось посещать храмы и соборы культа с отупляющей регулярностью. В Ургеене было больше жрецов, чем силовиков. Церкви касалось все и всегда: времена дня, приветствия, предписанные стили одежды, схемы работы. Чего еще он вообще мог хотеть?

- Ну, мы не всегда получаем то, чего желаем, – произнес Зидаров.

- Важно не то, чего желаю я. Только работа Трона.

Итак, этот был фанатиком. Зидаров ничего особо не имел против развращенных жрецов – тех, кто растрчивал подати на топазы и вечеринки. С ними, по крайней мере, можно было выпить. Нет, озноб его пробирал от истинно верующих. Это они превратят тебя в аркофлагеллянта, представься им хоть полшанса.

- У вас была жалоба, – сказал Зидаров, сворачивая обратно к делу.

Аспарев улыбнулся.

- Жалоба. Какой любопытный термин для исполнения долга. – Он потянулся за досье и вручил его Зидарову. – Взгляните.

Зидаров отщелкнул печать и вытащил несколько листов пергамента с официальными штампами. Все было на высоком готике и облечено в юридические выражения до практически полной нечитаемости.

Тем не менее, он сумел уловить суть.

- Отклонения, - произнес он.

- Боюсь, что да, - сказал Аспарев, творя поверх груди оберегающее знамение. - После последней чистки я полагал, что мы полностью устранили этот бич. Однако теперь, как видите, у нас есть подписанные показания очевидца. Наблюдения по всему жилому анклаву, подтвержденные в ходе допроса.

Зидаров пролистал свидетельства. По таким вещам очень мало что можно понять - любой, кто окажется перед чиновником Экклезиархии за стальным столом в камере без света, расскажет все, что от него захотят услышать. И все же, слухи, скорее всего, откуда-то взялись.

- Это все из Востоки, - заметил Зидаров.

- Да, и в довольно небольшом районе. Я думаю, будет легко определить источник этой заразы.

Возможно, верно. И все же шляться по таким местам не было ни безопасно, ни просто.

- Как это к вам попало? - спросил Зидаров.

- Мои священнослужители трудятся везде, где в них есть нужда, - сказал Аспарев. - Там, где ваш закон работает лишь местами, нужда очень велика. То, что они слышат, со временем доходит и до меня.

- Однако это лишь слухи о наблюдениях, - произнес Зидаров, изо всех сил стараясь осмыслить загадочное наречие. - Никаких сообщений о фактических вспышках, беспорядках?

- Ничего настолько осязаемого, - фыркнул Аспарев. - Они звери, но наделены толикой хитрости. Они держатся не на свету. - Он подался вперед и вперился в Зидарова жесткий взгляд. - Но они мерзостны и коварны, и если оставить их в покое, они распространятся.

Зидаров скептически потер подбородок.

- Так нам постоянно говорят. - Он убрал пергамент обратно в папку. - Я могу оставить их себе?

- Разумеется.

- Тогда я приступлю к работе. Благодарю за имена - они очень помогут.

Аспарев поклонился.

- На здоровье. Если я смогу оказать какую-либо дополнительную помощь, обращайтесь за ней без колебаний. У меня есть под рукой бойцы, санкционированные культом, включая тех, кто обучен обращению со священным пламенем.

Само собой, они у него были. Зидаров совершенно не собирался подпускать этих фанатиков сколько-либо близко.

- Я буду иметь это в виду. - Он встал. - И я буду на связи, если что-нибудь найду.

Аспарев остался сидеть. У него получалось одновременно иметь и святой, и воинственный вид, что изрядно впечатляло.

- Тогда ступайте под взором Трона. Да присмотрит за вами его свет.

Классическое двуликое благословение – отчасти завет, отчасти угроза.

- Благодарю вас, – произнес Зидаров, шагая обратно к дверям. – Уверен, это пойдет на пользу.

Отклонения. Мутанты. Испорченные, измененные пустотой.

Входя в Ненавистную Троицу наряду с ведьмой и ксеносом, мутант являлся объектом всеобщего страха и отвращения. Не было таких детей, в которых за время взросления не вдалбливали бы истории о неправильности подобных существ – сперва в семейном жилье, а потом наставники. Зидаров живо помнил, как боялся, просыпаясь среди ночи на мокрых от пота простынях и вопя, что они идут за ним.

Постаравшись, можно было тешить себя мыслью, будто ксеносов вовсе не существует, или же они так далеко, что ты никогда не увидишь ни единого из них. При желании можно было заставить себя поверить, будто ведьмы – это нечто такое, на что никогда не наткнешься, поскольку они встречаются реже, чем честные люди с обилием плиток. Однако ни за что не удалось бы одурачить себя идеей, будто отклонений не бывает, поскольку свидетельства этого были повсюду. В каждом учреждении медикэ города были специальные сжигатели для детей, родившихся с хрящами вместо глаз, или с прозрачной кожей, или с гребнями на месте волос. В каждом узле грузоперевозок имелись незаконные видеозаписи, где твари, обитавшие в трюмных камерах звездолетов, корчились во тьме и отдергивались от света пламени.

Проблема состояла в том, где проводить черту. Человечество являлось галактическим видом, рассеянным по миллиону миров. Некоторые планеты имели повышенную гравитацию, некоторые – пониженную. Некоторые представляли собой ядовитые адские топи, прочие – организованные городские центры. Это приводило к различиям, сливающим и растягивающим изначальные рамки физического облика людей. Отдельные мутации считались настолько частыми и безобидными, что их санкционировали, образовав класс недолюдей. Некоторые малозаметные метаморфозы было сложно отследить, даже самым рассматриваемым индивидам. Так что же являлось настоящей мутацией, а что – всего лишь адаптацией к окружающим условиям? Несомненно, ученые на Терре проводили всю свою жизнь, кодифицируя ответы. На захолустных планетах вроде Алекто добиться подобной определенности было сложнее.

Зидаров помнил, как еще во время своей службы в санкционерах – вооруженном крыле корпуса блюстителей – занимался делом, произошедшим в одном из торговых портовых центров. В пустотном пространстве Алекто пришвартовался большой грузовой корабль, и его экипаж спустился на планету, чтобы немного отдохнуть и расслабиться перед следующим этапом. Это стало ошибкой – их кожа имела чуть чрезмерный серый оттенок, а рты были немного чересчур широкими. Известия разнеслись, и собралась толпа. К тому моменту, как задействовали отделение Зидарова, было уже слишком поздно – зачинщики взяли лагерь штурмом и выволокли экипаж на улицы. Тридцать мужчин и женщин сгорели заживо, крича о своей невинности, пока подпитываемое прометием пламя превращало их в почерневшие жирные мясные полоски.

Никто не понес за это наказания. В толпе было слишком много людей – под конец уже несколько тысяч. В любом случае, большинство санкционеров на посту сочувствовали им.

- Поди знай, – пробормотал один из них Зидарову, мрачно глядя на дымящиеся костры. – Может, так оно и было.

Зидаров не стал спорить. Он поймал себя на мысли: береженный целее будет. Дай мутанту войти, хоть одному, и можешь потерять все. Не впускай их. Не впускай никого.

И все же было нелегко слушать крики. Особенно молодых. От такого тяжело отделаться.

Он потер лоб, убирая пот. Безвкусная пышность комплекса Экклезиархии как будто осталась далеко. После встречи с Аспаревым он направился напрямик в нижний анклав, углубляясь в недра районов мануфакторий Востоки. Жилой массив Востока был старым, всего лишь частью огромной и разнообразной застройки Ургеены, и его осыпающиеся ветхие башни перемежались магнитными дорогами и виадуками. Вспыхивали и мерцали экраны-хамелеоны, содержание которых с трудом просматривалось в полуденной ряби. Повсюду была пыль, которая устилала тротуары, скапливалась в рекламных щитах, коркой покрывала лица рабочих. Мимо с грохотом проезжали тягачи, взметавшие дым. Сервочерепа гудели, словно мухи, а небо пестрило свечами газовых вышек.

Хорошее место, чтобы провести жаркий день. Зидаров оттянул влажную рубашку, чувствуя клипсу кобуры автопистолета на ремне. Проверил имя, взятое им из досье Аспарева, и посмотрел на коммерческое строение перед собой.

Это был вапориум – промышленная прачечная. Весь фасад терялся за пеленой пара, от которого пахло щелочными средствами и плесенью. Над дверями и щелями окон змеились огромные трубы, покрытые ржавчиной и увешанные старыми молитвенными лентами; те отсырели и висели среди испарений.

Зидаров поднялся по лестнице и зашел в открытую металлическую задвижную дверь. Воздух внутри был настолько насыщен паром, что делалось сложно дышать. Он мельком заметил позади большое помещение, уставленное сверкающими кипяtilьными баками. Во мраке вокруг тяжело перемещались сервиторы, органические части которых были сморщенными, как кожа у старцев. Громадные стопки грязного белья ждали обработки, покачиваясь, будто миниатюрные жилые башни. Стены, полы и потолки были полностью изготовлены из штампованного металла. Со всего текло, все было горячим на ощупь.

К нему, шаркая, приблизилась женщина. Она была старой, сгорбленной, приземистое тело окутывала дешевая синтетическая холстина. Водянистые глаза нервно, с трепетом поглядели на него снизу вверх. Чтобы привлечь ее внимание, не понадобилось показывать голопечать.

- Я могу вам помочь, сер? – прошепелявила она. Правая сторона ее лица не двигалась, словно после инсульта.

- Техник Гион Бачев. Он здесь?

Она кивнула, повернулась, поманив его за собой, и заковыляла прочь. Они вдвоем вскарабкались по чередке лестниц, открытых беспощадной жаре – немногим более чем просто ступени и мостики. Спустя какое-то время они протиснулись по длинному коридору, по обеим стенам которого тянулись идентичные двери каморок рабочих. Окна утратили прозрачность от конденсата.

Она отодвинула одну из дверей в сторону, и показалась крошечная комнатуха, уставленная механическим оборудованием, инструментами, пожитками. Среди всего этого сидел мужчина, худой, будто паук. Спецовка липла к нему, как марля к ране.

Зидаров присел перед ним. Женщина оставила их наедине.

- Бачев? – спросил Зидаров.

Мужчина кивнул. Он над чем-то трудился, и оно упало ему на колени. Сварливое лицо, иллюстрация недоедания и нехватки света, посмотрело наверх. Один глаз дернулся.

- Я из Бастиона. Пробатор Зидаров. Мне сказали, вы сообщили, будто что-то видели. Здесь, ночью. Это так?

Взгляд Бачева метнулся туда-сюда, словно он пытался оценить, сможет ли вырваться и сбежать.

- Не я, - произнес он тихим до шепота голосом.

Зидаров вздохнул.

- Ваше имя стоит на показаниях с печатями, которые мне дали служащие Экклезиархии.

- Не я.

- Хотите, чтобы я отвел вас обратно к ним?

Бачев начал дышать очень тяжело.

- Вы... что угодно скажете.

- Что вы имеете в виду?

- Когда они с вами говорят. Вы им скажете все, что они...

- Ладно. Не рискуйте кощунствовать. - Зидаров устроился на корточках. Огляделся. В камере было темно и сыро, она вымокла от влажности и жары. - Но понимаете, они не собираются этого скрывать. Не совсем. Так у них была причина прийти потолковать с вами, да?

Бачев выглядел жалко.

- Либо вы что-то видели, либо видел кто-то другой, а упомянули ваше имя. Верно?

- Я ничего не знаю.

- Но знаете кого-то, кто знает? Кого-то, кто что-то видел?

Бачев умолк. Его нижняя губа выпятилась, будто у капризного ребенка. Он боялся Зидарова, это было вполне очевидно, но еще сильнее боялся других вещей. Церкви. Обвинения за компанию. Обладания каким-то полезным знанием.

- Я не хочу возвращаться с вами обратно, - утомленно произнес Зидаров. - Каратели вас сломают, не успеете и слова сказать. Это будет излишняя трата. К тому же, у меня нет желания тут находиться. Я хочу через несколько минут забыть ваше имя и получить возможность сказать жрецам, что вы чисты, а они могут вычеркнуть вас из своих записей. Я способен это для вас сделать. Но мне нужно что-то взамен. - Он сцепил руки перед собой. - Вы что-то видели. Или знаете кого-то, кто что-то видел. Скажите мне, что это было, где это было. Тогда я исчезну. И никогда не вернусь.

Бачев поднял глаза. На его несчастном крысином лице была смесь надежды и недоверия. Люди не выполняли обещания, даваемые таким, как он. Жизнь представляла собой череду ловушек, которых нужно было избежать. Требовалось двигаться осторожно, растягивая доверие, будто это твой последний пищевой паек.

- Мне понадобилось достать деталь для машины, - сказал он в конце концов. - Для ротационных ножей, их в силосных хранилищах используют. Было поздно. Смена ноктис^[1], хора секундус^[2]. Я пошел один.

Наконец-то. Зидаров стал внимательно слушать, активировав трансфлексер в своей радужке.

- Я мог и ошибиться. Зрение у меня уже плохое. Но там был грузовик, гусеничный, как на рудниках. Они разгружались. Вот только это была не руда. Это были люди. Бледные люди. Бледные, белые, с черными глазами. Странные. Пахли они странно. Я до сих пор запах чувствую, понимаете? Они были... неправильными. Ангелом клянусь, они были неправильными.

- Где это было?

- Ремонтные мастерские. Для магнитных поездов, по ходу оси анклава.

- Уверены?

- Я там был.

Зидаров пристально посмотрел на Бачева. С виду не казалось, что тот лжет. У него не было на то оснований.

- Что грузовику делать в мастерской для магнитных поездов? - спросил он.

- Не знаю.

Зидаров задержал его взгляд чуть дольше.

- А куда эти... люди пошли? Внутри мастерской?

- Не видел.

- Да уж, уверен, что не видели.

Зидаров встал.

- Значит, посмотрю сам. Благодарю за уделенное время, гражданин.

Бачев не встречался с ним глазами. Ему просто хотелось, чтобы это закончилось.

- Только постарайтесь до них добраться, - прошептал он, и в его тихом голосе вдруг послышалась злоба.

- До дурных людей. Постарайтесь до них добраться. Постарайтесь их убить.

Зидаров нанес визит двум остальным из списка Аспарева - работнице мануфактурума боеприпасов и медикэ-санитару со станции контроля заболеваний, которой управлял Имперский культ. Истории о наблюдениях у обоих были одинаковыми, хоть и менее четко очерченными - обе примерно в одном районе. Они сходились с Бачевым в основных вещах: внешнем виде тварей и необходимости устроить охоту и избавиться от них. Особенно шумной оказалась женщина с линии сборки снарядов. У нее изо рта брызгала слюна, пока она сообщала Зидарову, что следует сделать и при помощи каких инструментов.

К тому моменту, как он закончил со сбором показаний, день уже быстро шел на убыль. Закопченное небо потемнело, приобретя лилово-серую бледность, а над дымовыми трубами и сборочными цехами разносились гудки о начале смены-ноктис. Зидаров зашел в муниципальную столовую и заказал жирную

тарелку параджи. Он какое-то время посидел в обшарпанной комнате, наблюдая за тем, как люди приходят и уходят. Большинство из них было рабочими, идущими со смены. Они имели хорошо знакомый вид тех, кто устал до мозга костей – вид, который указывал на часы просиживания за фрезерной установкой или клепания снарядных гильз. Они ели сгорбившись, ложками закидывая в заскорузлые рты дымящиеся куски и не произнося ни слова. В столовой было практически тихо, если не считать звона тарелок и шарканья ног в очередях. Над кассой висела выцветшая вывеска, гласившая: *«Будьте благодарны за пропитание, данное Им!»*.

Зидаров подождал еще немного, взяв стакан кофеина и какие-то сласти, которые вселяли надежду на природное происхождение, однако с большей вероятностью представляли собой батончик синтетической сахарозы, насыщенной жиром. Столовая постепенно пустела: рабочие разбредались по своим жилым блокам. Когда персонал выключил люмены, Зидаров встал и направился обратно на улицы.

По крайней мере, стало немного менее жарко. В воздухе до сих пор чувствовались привкус песка и едкий запах, как от невытой куртки после нескольких дней носки, но можно было сделать вдох без ощущения, что тебе выскребают легкие. Он нашел свою машину, отпер ее и поехал к району, который указал Бачев – вдоль длинной транзитной оси, рассекавшей жилой массив пополам. На протяжении большей части своей длины громадная транспортная артерия была приподнята на массивных скалобетонных колоннах, создавая внизу сумеречный мир. Вдоль нее на много миль тянулись колеи магнитопланов, петлявшие среди колонн мешаниной ржавых отталкивающих пластин. Около любого свободного просвета в основании скапливались жилища и мануфактории, которые рвались наружу, будто органические стволы и ветви, взбираясь вверх по контрфорсам и распоркам башен, окружая каждое темное пятно скалобетона слоями гофрированной пластики и пропотевших навесов.

Это был мир плохо регулируемых производств, где крошечные мастерские гнездились прямо рядом с большими станочными цехами. Попадали туда с трудом – протискиваясь через лазейки в вечном сумраке перегоревших люменов и сырых маслоотстойников. Основная часть производимых здесь работ исходила от более крупных, полноправных торговых домов, которые переводили ее сюда, чтобы скрыть от пытливых глаз.

Рабочие, которые, спотыкаясь, бродили во мраке, выглядели соответственно: подозрительные взгляды из-под покрытых сажей капюшонов, проблески хрящевато-серой плоти, очертания курток и комбинезонов искажает выпирающая скверно сделанная аугметика. Многие открыто носили оружие: сигнальные ракетницы или ножи с короткими клинками – тот сорт предметов, который возьмет для безопасности крыса из жилого блока.

Зидаров какое-то время следовал по магнитным колеям, забираясь как можно дальше, пока даже машинный дух автомобиля не перестал ориентироваться в лабиринте закоулков и поворотов. Он вылез наружу, прихватив с собой два своих оружия – автопистолет «Царина» и кастет-зубодробитель. Затем отключил системы машины и запер ее чуть тщательнее, чем обычно.

После этого он шел пешком, направляясь вглубь мутного мира промышленной вони и заплесневелых опор. В узких проходах было мало людей, однако около жаровен или лотков с едой еще оставались группы рабочих, которые пристально глядели на него, когда он проходил мимо. Позади них, в глубокой тени арок и туннелей, кое-как просматривались сервиторы, до сих пор продолжавшие трудиться. Их безмозглые тела были подключены к кустарным энергоблокам. Над головой зигзагами тянулись металлические мостки, казавшиеся черными на фоне ночного неба и увешанные гниющими лентами и молитвенными вымпелами Министорума.

Чем глубже он заходил, тем тише становилось. Зидаров сознавал, что на него постоянно смотрят глаза, но все меньше из них оставалось на виду. Общественные переходы сменились узкими коридорами, которые змеились между охладительными баками, или же внутренними дворами-колодцами при входе в плевавшие пламенем литейные.

В конце концов, он добрался до того места, о котором говорил Бачев. Вокруг находилось несколько инструментальных фирм - мест, где за небольшое количество плиток могли заменить сломанный нож машины. Наверху проходили магнитные колеи, нырявшие к усиленным крышам кузниц. Скучный свет по большей части исходил от открытого огня, изрыгаемого во все еще горячий воздух.

Зидаров оглядел это все. Слишком мало места, чтобы грузовик сюда доехал. Впрочем, дальше перед ним находились ремонтные мастерские для магнитных поездов, освещенные прожекторами и окруженные многочисленными валами проволоки-живодерки под напряжением. Кроме того, под нависающими стрехами крыши можно было провести грузовик приличного размера.

Он активировал усиливающее поле радужки и просканировал местность впереди. Добавление тепловосприятия указало, где происходит основная деятельность. Он переместил взгляд, двигаясь медленно, позволяя логическому процессору аугметики впитывать и анализировать.

Справа от него, под крутым откосом, где-то в пятидесяти ярдах от места, куда, должно быть, подгоняли грузовики, располагалась литейная, по большей части заглубленная под землю и испускавшая больше тепла, чем все остальные вместе взятые. Ее почти не было видно снаружи, под прикрытием клубка строений и лесов. Никаких вывесок, никаких наружных люменов, только как будто вход в шахту, заброшенный и ничем не примечательный.

Зидаров вытащил свой пистолет, включил зубодробитель и двинулся вниз по склону. Сейчас он уже не видел никаких перемещений других людей, хотя скрежет и гул машин слышались повсюду. Чем дальше он шел, тем сильнее казалось, словно его хоронят заживо. Он посмотрел вверх и увидел только металлоконструкции: слой за слоем, с поперечными распорками, проклепанные. С обеих сторон все ближе прижимались стены - невыразительные, лишенные пометок, темные, как душа закоренелого еретика.

У подножия склона находилась запертая железная дверь. Зидаров просканировал ее и не обнаружил за ней никаких тепловых сигнатур. Он потянулся за цикло-отмычкой и прикрепил ту поверх задвижки. Несколько раз лязгнуло, и механизм отщелкнулся. Стало быть, не сложный принцип работы. Зидаров привалился к плите и приоткрыл ее.

По ту сторону был неосвещенный коридор. В нем разило потом, к чему примешивался странный резкий запах, словно это место пронизывала болезнь. Переступив порог, Зидаров поперхнулся, и ему пришлось на секунду остановиться, зажимая рот рукой.

Его сердце забило чаще. В этом запахе присутствовало нечто жуткое. Он поймал себя на желании вернуться, захлопнуть дверь и забыть о том, что вообще сюда приходил. Каждый вдох доносил все больше вони, прицеплявшейся в глубине глотки.

Он заставил себя двигаться вперед. Коридор уводил дальше вглубь. Стальные стены были холодны на ощупь, из чего он понял, что уже находится ниже уровня земли. Он стал дышать через рот, стараясь не втягивать смрад сверх необходимого.

Зидаров слышал наверху движения, эхо которых доносилось с других переходов повсюду вокруг,

отражаясь от закопанной машинерии. Стены едва заметно подрагивали, словно колеблясь от непрерывных крошечных землетрясений. Без радужки, улучшающей картинку, он бы шел вслепую.

В конечном итоге он добрался до более широкого коридора, проходившего перпендикулярно тому, по которому он пришел. Впереди находилась еще одна дверь, с железной решеткой и тяжелыми замками. Эти были механическими, их обвивали цепи, и чтобы пройти, потребовалось бы время. Запах был ужасен. Он исходил из-за решетки.

Зидаров глубоко вдохнул и задержал дыхание. Медленно продвинувшись вперед, он осторожно заглянул в проем.

Какое-то мгновение он не видел вообще ничего. Зал, холодный, совершенно темный, оценить габариты было сложно.

Потом что-то шевельнулось. Радужка ухватила это, и машинный дух перенастроил фильтры. Зидаров увидел огромное существо со множеством щупалец, вздымающееся тело которого занимало весь пол зала, выплескиваясь на края. Затем он моргнул, поправился и осознал, что в этом помещении находятся десятки тел, стиснутых вместе, прижатых друг к другу так плотно, что их длинные конечности перемешались и переплелись. Бледные лица повернулись и посмотрели на него – белая плоть, глаза чернее черного, белые языки, белые губы. Они были обнажены, или почти обнажены: в болевых ошейниках и скованы толстыми кусками цепей. Даже в темноте он видел, что они не люди, или не совсем люди – спины слишком выгибались, мускулы странно раздулись. Они были безволосыми, огромными, бесформенными и воняли, как животные, которых слишком надолго заперли в загоне. Каждый выглядел ужасающе сильным, ужасающе могучим, а сдерживавшие их цепи были массивными и шли внахлест.

Зидаров заморгал, сделав несколько статичных пиктов, а затем отступил назад. Его наполняло мощное чувство отвращения – реакция, к которой его приучали всю жизнь, пока она не стала настолько сильным инстинктом, что он практически ощущал, как руки скользят к оружию, готовясь просунуть его сквозь решетку и просто начать палить.

Но потом он услышал лязг тяжелых ботинок, доносившийся из коридора позади него. Почти сразу же послышался крик, после чего раздался шум бегущих ног. Он активировал зубодробитель и попятился от двери.

Они появились из-за угла, бегом со всех ног – пятеро, может быть шестеро. Огромные, в броне, с силовыми палицами. Зидаров прицелился повыше и выстрелил, так что предупреждающая пуля со звоном отскочила от крыши, но они неслись ровно на него.

- Пробатор! – взревел он. – Отбой!

Они не обратили внимания. Зидаров запоздало увидел раздутые от стимуляторов мышцы, закрытые шлемы-ноктис с разъярителями внутри ошейника. Они бросились прямо на него, крутя палицами во мраке.

Зидаров присел, уходя от одного из ударов, выстрелил носителю оружия в шею, затем качнулся назад и наотмашь врезал своим зубодробителем по лицу другого. Пыхнуло расщепляющее поле, он услышал треск кости и выстрелил снова, опрокинув еще одного из головорезов. Палица достала его – шмякнула по бедру, и ногу прострелила жаркая боль от сработавшего шокового поля. Он пошатнулся, опять выбросил кулак, промазал, а потом вскинулся и увидел, что очередная силовая палица летит ему точно в

лоб.

Он дернулся, изо всех сил уклоняясь, но удар так и не обрушился. Приказа остановиться Зидаров не услышал, но тот должен был откуда-то поступить: возможно, по каналу связи. Ярость внезапно стихла, громилы отошли. Двое из них лежали на полу, один подергивался.

Зидаров припал на одно колено, тяжело дыша и удерживая автопистолет на весу. Сквозь нагромождение тел пробрался еще один человек: женщина, которая в конце концов встала над ним. Она была безоружна и носила кузнечную форму – толстый комбинезон с жарозащитными пластинами. Ее волосы были распущены, а лицо покрывали крапинки чего-то, похожего на пепел. Она глянула на его пистолет и покачала головой.

- Убрали бы вы это, – произнесла она.

Зидаров посмотрел на нее. Затем посмотрел на оставшихся стим-головорезов, которые поголовно стояли неподалеку, держа палицы наготове. Им не терпелось снова взяться за дело.

Он защелкнул предохранитель.

- Наверное, вы правы.

Его отвели вглубь сооружения. Они поднялись по лестницам, снова оказавшись в помещениях, где работали люмены. Запахи стали приятнее – жженный металл, синтетические химикаты, честный человеческий пот. В конце концов, его привели в маленькую комнату без окон, со всего одной дверью, грязным полом и парой стульев. Зидарова толкнули на один из них. Женщина заняла второй, а затем пододвинула между ними щербатый столик.

Зидаров скрестил руки и стал ждать.

Она посмотрела на него. Ее лицо было не улыбочивым, дебелим, почти ярко-красным. На комбинезоне висел идентификационный жетон, сообщавший, что она – оператор станции. Если верить имени на нем, ее звали Алиссия Гордова. Когда она заговорила, голос оказался шероховатым, как ржавчина, обшарпанным в суровой обстановке. Это был голос, привыкший отдавать приказы.

- Так что вы делаете тут внизу, пробатор? – спросила Гордова.

- Свою работу, гражданка. Что вы тут делаете?

Она фыркнула.

- Небезопасно. Это литейная, понимаете? Вы могли пострадать.

- Я и пострадал.

- Чтобы приходить сюда, вам нужен ордер.

Зидаров рассмеялся.

- Что?

- Ордер. Чтобы приходить сюда.

- Я хожу, куда захочу. Таков Лекс.

Гордова сунула руку в карман, достала какой-то пергамент, разгладила тот и вручила ему.

- Видите? Это разрешительные документы. Сертификаты безопасности, операции. Взгляните.

Зидаров прочел их. В тексте не было ничего примечательного. В печати под ним - было. Он сразу же ее узнал - она принадлежала владарю Айте Федору Мелете, политическому чиновнику, который отвечал за весь жилой анклав и район Востока. Чем дальше он смотрел, тем хуже становилось дело - Мелета финансировал организацию и имел долю в ее деятельности уже по меньшей мере пять циклов.

- Вас не убили благодаря вашей голопечати, - сообщила Гордова. - Второй раз она не сработает. Что бы вас сюда ни привело, забудьте об этом. Идите домой. Найдите какое-нибудь другое место, чтобы совать нос.

Зидаров толкнул пергамент обратно к ней.

- Так что это за твари? В камере?

- Про них я бы тоже забыла.

- Они не были похожи на санкционированных недолюдей.

- Там внизу темно.

- Я видел достаточно.

Гордова выглядела совершенно не обеспокоенной.

- Думаю, вы ничего не видели. А если вы как-то ошиблись и считаете, будто видели, пробатор, и снова явитесь, чтобы найти это, сообщите об этом или вообще сделаете что-либо, кроме как уйдете - в следующий раз вас ждут уже не палицы. Ясно? Это место принадлежит Мелете. Вам известно, что это значит. Не думаю, будто вы настолько глупы.

Зидаров секунду поразмыслил.

- Они работают усерднее. В этом дело? Их можно подгонять, повышать свою норму, и все бесплатно. Черт, но это ведь рискованно.

Гордова встала, подошла к двери и открыла ту перед ним.

- Чтоб я вас больше не видела, - произнесла она.

Зидаров заставил себя подняться со стула. Нога до сих пор пульсировала в том месте, куда попала палица

- Нет, - сказал он. - Не думаю, что увидите.

Его вывели обратно на нулевой уровень, под непрерывным присмотром этих проклятых охранников-стимуляторщиков. Пока они проходили промышленные этажи, где плевались и шипели кузницы, а на сегментированных конвейерных лентах лязгали инструменты, Зидаров постоянно поглядывал по сторонам, однако не увидел ничего из ряда вон выходящего. Несколько сервиторов на посту, множество

чернорабочих, обилие пота и тягот. Если они и использовали мутантов для принудительного труда, то тех явно задействовали на нижних уровнях или, возможно, в другое время, а может быть, камера являлась лишь перевалочным пунктом перед отправкой куда-то еще.

Они добрались до поверхности и вышли на стоянку наземного транспорта комплекса. Большинство припаркованных там машин были одноместными средствами передвижения, плюс несколько грузовых фургонов ветхого вида. Около ворот стоял рудовоз, совпадавший с описанием, которое дал Бачев. Зидаров протянул руку к гигантским тракам и с иронией похлопал по прорезиненной поверхности.

- Вот с этого все и началось, видите? – произнес он, безрадостно улыбнувшись сопровождающим.

В ответ не последовало ничего, кроме невыразительных взглядов. Двое охранников открыли ему ворота. Они так и не сказали ни слова.

Потом он оказался снаружи, снова шел по узким улочкам в окружении нависающих террас и редких люменов. Ему понадобилось какое-то время, чтобы сориентироваться в темноте. Когда это удалось, он долго добирался обратно до своей машины. Затем была утомительная поездка назад к дому. Всю дорогу он говорил себе, что это дело подошло к концу. Он исполнил свой долг, но дорога была уже перекрыта. Требовалось поспать, перекусить, а потом начнется новый день. Нельзя распутать все, только не за его жалованье.

Всякий раз, думая об этом, он мысленно возвращался к корчившемуся морю плоти в той дыре, запертому с глаз подальше, купающемуся в нечеловеческой вони. Он видел глядевшие на него странные лица – человеческие, но в то же время и не-человеческие, застывшие между страданием и страхом.

Однако он не мог распутать все. Этот путь вел к одному лишь безумию.

Рассвет принес с собой новые мучения. Нога выглядела так, словно ее обрызгали фиолетовой краской, плоть была вспухшей и ранимой. Даже использование импульсного душа доставляло боль, и он ковылял по комнатам своего скромного жилья, будто инвалид.

Милия уже спала, когда он пришел, и успела отправиться на смену до того, как он снова проснулся. Так у них было уже довольно давно. Порой таким образом проходила целая неделя: обменяться всего несколькими словами, бросить друг на друга пару взглядов, наблюдая, как их настигает возраст – а затем долг снова звал, выжимая время, которое они когда-то проводили как семейная пара.

Он, сколько мог, затягивал с подключением облачной загрузки на радужку. Как только он это сделал, первое извещение, что неудивительно, пришло от Аспарева:

> Уповаю, что все прошло хорошо. От вас ожидается отчет о находках и предлагаемых действиях. Их необходимо ликвидировать. Император Защищает и Наблюдает за Всем.

Итак, имелась давняя проблема. Аспарев был могущественен и повелевал вотчиной с собственной армией фанатиков. Он мог очень осложнить жизнь всему Бастиону, если бы счел, что его жалобы не воспринимают всерьез. Мелета, с другой стороны, руководил правительством района и мог при любой необходимости получить в свое распоряжение столь же крупную армию наемных головорезов. Скорее всего, половина санкционеров Бастиона в той или иной форме находилась у него на содержании, так что идти против него было до неотличимости похоже на самоубийство. Выбор оказывался невелик: посмотреть вдоль рукоятки силовой палицы или же заглянуть в дуло огнемета. Результат был бы один и

тот же, исключая пару несущественных мелочей. Все зависело от того, какой из пунктиков Империи считать наиболее важным – соблюдение податных норм района или исполнение обязательств перед Святым Троном.

Зидаров налил себе кофеина, состряпал поесть и стал размышлять. Самым простым вариантом было, не фигурируя в этом деле, оповестить Аспарева и предоставить им с Мелетой самостоятельно вести борьбу. Впрочем, тут присутствовали и слабые стороны – огнеметы Аспарева в руках толпы вполне могли справиться и поджечь литейную, однако при этом источник происхождения отклонений так и оставался неизвестным. Мелета спокойно сможет начать заново, на сей раз с лучшей защитой. Итак, ничего особо существенного не изменится, разве что Экклезиархия с Администратумом будут вышибать куски друг из друга, а мутанты тем временем продолжат откуда-то появляться. Кастеляну Вонгелле это не понравится, и в итоге возмездие, вероятно, рано или поздно до него доберется.

В такие дни он ненавидел свою работу.

Поев, он отправил через инфо-облако ответный импульс Аспареву:

> Изыскания продолжаются. Есть прогресс. При всем уважении, прошу дождаться дальнейших новостей.

Это выиграло ему еще немного времени. Не особо, но хоть что-то.

После этого он покинул жилище. Снова сел в машину и поехал к окраине района. Добравшись до высокой гряды на изгибе транзитной магистрали, он свернул на обочину и отключил двигатели. Было еще рано, но от асфальта поднималось жаркое марево, клубившееся, словно дым над огнем. Трубы и воздуховоды мануфакторий уже заработали, пятная утреннюю дымку грязными буро-серыми линиями. Со своего наблюдательного пункта Зидаров мог далеко рассмотреть массив Востоки, уходивший на запад, к золоченым зонам района Ургеена и высоким башням на горизонте. Тот был переполнен, повсюду: мешанина грязи и пластами, напозавшая сама на себя, густонаселенная, словно лабиринт насекомых.

Внизу в каньонах он видел активность – крошечные крапинки человеческих фигур, тельца в кровеносном потоке, толкотню наземного трафика, покачивавшиеся и искрящие магнитные поезда, с лязгом ехавшие через все это. Движение, все в движении, однако под землей, не на виду, погребенные, были бледные конечности, запертые во тьме. О них знали, но никогда не говорили, а они подпирали это все, трудясь в кузницах до самого своего конца.

Зидаров проверил свою радужку. Ничего. Под усиливавшимся напором жары он ощущал себя вялым, как деревья-спии в муниципальных зонах отдыха, уже становившиеся коричневыми и ронявшие иголки на гравий. После еды его мутило. А может, дело было и не в еде.

В конце концов, он снова врубил двигатели. Продолжил свои изыскания, следуя по оставшимся именам из списка Аспарева. Чтобы найти их всех, потребовалось какое-то время, а будучи найденными, они мало что давали ему сверх уже известного. Некоторые были напуганы, некоторые злились. Рефрен не менялся. Постарайтесь убить их. Постарайтесь избавиться от них.

К тому моменту, когда поступило оповещение, уже снова был закат. Этого он и ожидал. Операцию должны были проводить под покровом темноты, поэтому в течение смен-диурнус^[3] грузовик оставался на месте. Теперь он снова двигался. Радужка Зидарова поймала сигнал со следящего датчика, который он поместил между траков машины, когда хлопывал по ней, и пробатор наложил маячок на виртуальную

карту городских улиц.

Грузовик направлялся на север, медленно двигаясь через лабиринт узких проездов. Зидаров немного понаблюдал за ним, грамотно прикидывая, где тот выскочит на крупные оси. Затем, выстроив траекторию, отправился в погоню, следуя объездным маршрутом по темнеющим магистралям.

Какое-то время он ехал сквозь сердце района, забитое жилыми башнями, виадуками, экранами-хамелеонами, откуда ревели рекламные сообщения, а также запахами параджи, поджариваемой на нагревательных дисках. Затем, постепенно, все это пропало. Он ехал через разваливающийся промышленный регион, где склады стояли без крыш и были разграблены на металл, а по полупустым улицам ветром гнало мусор. В конечном итоге, он пересек границу всей Ургеены и оказался в юрисдикции Корска, соседнего района. Это все сильно меняло - огромная самостоятельная городская единица, с собственными жилыми анклавами и собственным Бастионом, где, согласно Лексу, его официальные полномочия были очень малы. Спустя еще час движения ландшафт постепенно превратился в равнину из скалобетонных плит, перемежаемых кустарником, которая была утыкана пустыми смотровыми башнями.

Зидаров заметил впереди грузовик, который подпрыгивал на дорожных выбоинах и выбрасывал дым. Он отключил люмены и стал красться следом, сохраняя дистанцию. Немного погодя машина свернула с металлизированной дороги и поехала по пересеченной местности. Дальше, с трудом различимый в мутном свете, располагался огороженный комплекс с россыпью невысоких строений.

Зидаров прижался к противоположной стороне дороги, держась поодаль, скатил машину в грязевую низину и вырубил двигатели. Переполз на пассажирское сиденье, опустил бронестекло дверного окошка и активировал усиливающие фильтры радужки.

Комплекс был большим. С виду казалось, что забор по краям тянется на несколько сотен ярдов с каждой стороны, охватывая широкий прямоугольник. Не горело никаких люменов, но на уровне поверхности мигало несколько крошечных габаритных огней. Похоже, на несколько миль вокруг не было никакого жилья - с тем же успехом они могли находиться на пустых равнинах ближе к океану, или в одной из токсичных чаш Рубцов.

Зидаров переключил внимание на грузовик. Из кабины вылезла пара людей. Оба напоминали тех, с кем он столкнулся в литейной - чрезмерно крупные, силуэты топорщатся от пластин брони и ошейников-разъярителей. Навстречу им вышли другие темные фигуры. Одна оказалась толстяком, лысым, в гражданской одежде - объемной куртке и штанах из синтекожи. Трое других, несомненно, были санкционерами, скорее всего из Бастиона-К, и небрежно придерживали автоматы на боку. Зидаров прибавил увеличение и подкрутил аудекс-трансляцию. Один из санкционеров был сержантом, двое остальных - кадровыми бойцами.

Прежде чем он успел уловить какие-либо переговоры, на входном канале аудекса зашипели помехи от раздавшегося над головой грохота. Зидаров отключил его и посмотрел вверх. С высоты что-то приближалось - силуэт на фоне звездного поля, квадратный и глухо стучащий турбинами. Он повернул шею, чтобы разглядеть получше, и увидел, что к посадочной площадке круто спускается атмосферный транспортник. Нисходящий поток воздуха вихрем подбросил пыль с галькой, заставив фигуры по периметру отвернуться и прикрыть глаза.

Транспортник представлял собой мощную модель - сплошные бронированные панели и массивные кожухи двигателей. На нем отсутствовала маркировка: никаких эмблем торгового дома или

муниципалитета, а с обоих бортов было подвешено по паре роторных пушек угрожающего вида. Все летные огни были потушены. Такие штуки обычно использовались силами обороны Алекто или, реже, отделениями быстрого реагирования санкционеров. Когда корабль стал заходить на посадку, визгливая тональность двигателей переросла в вой, а кустарниковая поросль у ограждения периметра начала бешено раскачиваться, пока не распласталась плашмя под шквалом взметнувшейся пыли.

Зидаров внимательно изучал его. Машины вроде этой были способны работать на большой высоте, возможно даже у грав-стоянок, куда приходили на швартовку орбитальные челноки. Также он имел хорошую дальность полета, из-за чего было сложно предположить, с какого расстояния он прибыл. Если хочется спустить что-то с пустотного корабля, проведя это по всем этапам от высокой орбиты до поверхности, именно такую вещь выберешь для финального отрезка.

Транспортник тяжело и с хрустом приземлился, и турбины отключились. Санкционеры с охранниками заторопились к нему, а люк отъехал на консольной балке, открыв просторное внутренне пространство. Оттуда появилась команда транспортника – дюжина человек плюс сервиторы-грузчики, пристегнутые к экзокостюмам, которые были оснащены силовыми клешнями. Из корпуса корабля пошел пар, и показался большой грузовой контейнер, перемещаемый поворотной-откидным краном. Размеров контейнера хватало, чтобы разместить стандартный торговый паллет, что создавало уйму места для человеческих тел – вплоть до примерно двадцати, в зависимости от того, заботит ли вас их выживание.

Зидаров сделал статичные пикты, однако на бортах контейнера не было ничего, что выдало бы суть содержимого. Когда тот опустили, грузовик с грохотом подъехал к нему, перекрыв обзор. Что-то переместили, сопровождая это обилием криков и жестикуляции со стороны экипажа. Стим-головорезы на этом этапе уже достали палицы, а все трое санкционеров взяли за свои автоматы. Когда транспортировка закончилась, тягач снова попятился назад, оставив сервиторов поднимать теперь уже пустой контейнер обратно в грузовой трюм. Опять раздались крики, опять лихорадочные жесты, а затем транспортник уже готовили к отправлению. Все произошло очень быстро, словно движения были хорошо отрепетированы.

Тягач направился прочь от зоны взлета и снова остановился у ворот. Транспортник запустил двигатели, закрыл люки и с приглушенным ревом оторвался от земли. Он тяжело взмыл в небо, на миг завис, разворачивая свой тупой нос, после чего быстро набрал высоту, уменьшаясь в размерах, пока не превратился в черное пятно на фоне черного неба.

Толстяк, стим-громилы и санкционеры сгрудились около борта грузовика. Зидаров снова включил аудекс-трансляцию и приблизил изображение. Они выглядели расслабленными, перешучивались, снова смеясь.

Сержант санкционеров что-то взял у толстяка – судя по виду, оплату плитками.

- Еще будут в ближайшее время? – спросил он.

Толстяк покачал мордастой головой.

- Скажи ему, пусть использует то, что есть. Я извещу, когда будут новости.

- Ага, используешь то, что есть, а?

Толстяк опять рассмеялся.

- Плюсы работы, – сказал он.

Сержант усмехнулся в ответ, но теперь несколько резко.

- Ты отератителен.

- А ты завидуешь.

Затем санкционеры ушли, двинувшись к собственному транспорту. Стим-головорезы забрались в грузовик, и обе машины выехали из ворот, обратно на дорогу. Санкционеры свернули налево, направляясь к обитаемым зонам своего района. Тягач свернул направо, возвращаясь в Ургеену. Зидаров проследил, как люмены исчезают в ночи, не оставляя после себя ничего, кроме горячего пыльного воздуха.

Толстяк, теперь оставшийся в одиночестве, запер ворота и побрел назад через комплекс к одному из низких зданий. Зидаров увидел, как он открыл дверь и зашел внутрь. Через секунду зажегся люмен, а затем опустились шторы и снова его затемнили.

Зидаров сидел, не двигаясь. Присутствие санкционеров сделало все еще более запутанным. Вероятно, Мелета им платил. Или, может быть, Мелета платил толстяку, а местные силовики брали долю. В любом случае, это усложняло ситуацию.

Он подождал еще немного - ровно столько, чтобы удостовериться, что никто не вернется. Затем он вылез, вытащил пистолет и включил зубодробитель. Подошел к ограде периметра, слегка спотыкаясь на неровной земле, пока не добрался до скалобетонных плит. Замок представлял собой примитивную механическую стяжку, которую было довольно легко раздробить энергетическим полем кастета. После этого Зидаров оказался внутри и стал осторожно красться к зданию. Судя по виду, раньше это была башня управления - возможно, в те времена, когда комплекс служил коммерческой зоной высадки для транспортов - но сейчас она практически пустовала. Обитаемым выглядел только наземный уровень, по краям зашторенных окон проглядывали щелки света.

Зидаров тихо приблизился к двери, просканировал шум и тепловые сигналы на той стороне. Потом отступил на шаг назад и с силой пнул по ручке. Щеколда переломилась, дверь распахнулась внутрь, и он последовал за ней.

Толстяк резко вскинул голову, широко раскрыв глаза. Зидаров выстрелил ему в плечо, и дряблое тело проехалось по полу. Он завизжал и пополз прочь, а Зидаров запер за собой дверь и зашагал к нему, на ходу доставая наручники-иммобилизаторы. Извивающийся толстяк попытался докатиться до второй закрытой двери, но Зидаров добрался до него первым, рванул руки за спину и защелкнул наручники. Толстяк задергался в конвульсиях, а потом обмяк бесполезным грузом. Он обильно потел, по рубашке растекалась кровь. Имобилизаторы удерживали его, прижимая отягощающим полем, контролируя мышцы челюсти, чтобы он молчал, и придавливая его к полу, будто насекомое.

Зидаров осмотрелся. Помещение выглядело отвратительно. К грязным стенам была прислонена какая-то дешевая мебель, с потолка на проводах свисало несколько полос-люменов. На подсобном столике стояли бутылке дженезы, а также сублимированные пайки. В углу находилась видеосистема с треснувшей линзой, на скалобетонном полу лежала пара потертых ковров. Пахло мерзко, будто спорами плесени.

Зидаров не убирал автопистолет. Человек пытался добраться до другой двери. Даже несмотря на крепко запертый рот, взгляд того постоянно перескакивал туда. Зидаров беззвучно подошел, встал с боку от рамы, пихнул дверь и позволил ей распахнуться.

Запах с той стороны был еще хуже. Он напоминал о камере в литейной, только сейчас его

дополнительно маскировало что-то вроде щелочного отбеливателя. Люмены не горели, поэтому Зидаров переключился на ноктис-зрение радужки. Толстяк попытался что-то выпалить, но Зидаров навел на него пистолет и наградил предостерегающим взглядом. Это того заткнуло.

Затем он зашел внутрь. Комната была даже более грязной, чем первая. Все шторы были опущены, а люмены – отсоединены. Вдоль стен стояли очередные бутылки дженезы, многие пустые. На полу лежало несколько пайков, один был открыт. Из мебели имелось лишь одно – кровать со стальной рамой и матрасом в пятнах. На ней лежала женщина.

Вот только это была не женщина – не настоящая женщина. Она была одета в грязный рабочий комбинезон, однако признаки узнавались безошибочно – перламутрово-белая кожа, глаза чернее черного, белые губы, чрезмерно длинные конечности, мощные мускулы. Запястья и лодыжки были прикованы к раме кровати кандалами толщиной в дюйм. Шею охватывал болевой ошейник, соединенный с энергоблоком на потолке.

Она глянула на Зидарова этими неземными глазами.

Тот посмотрел на нее в ответ, продолжая держать пистолет нацеленным ей в грудную клетку. Он ощутил, что потеет. Ощутил, как подергивается палец на спусковом крючке. Так хотелось на него нажать.

- Ты собираешься стрелять? – в конце концов, спросила она.

Ее голос заставил его скрежетнуть зубами. Он и не думал, что они способны разговаривать. Ему представлялось, что при попытке сделать это они рычат, словно псы в клетке. Однако она изъяснялась на готике – с сильным акцентом, неприятным на слух, но вполне понятно.

- Хотелось бы, – произнес он.

Она кивнула.

- Да, тебе хотелось бы.

Медленно, с усилием, он опустил пистолет. Посмотрел на оковы. Те являлись самым крепко сработанным предметом здесь. Такими можно было удержать огрина.

Зидаров подошел – нерешительно, по шажку, словно женщина могла в любой момент прыгнуть и вонзить зубы ему в шею. Та наблюдала за его приближением.

- Ты спустилась на одном из тех транспортов? – спросил он.

- Да.

- Расскажи мне об этом.

Она кисло улыбнулась.

- Работать за деньги. Так нам сказали.

- Вы чудовища.

- Это так.

- Вы не можете работать.

- Тогда, наверное, они ввали.

Запах начал казаться Зидарову невыносимым. Дело было не столько в его силе, сколько в его... чужеродности. Пробатор практически слышал, как инструкторы из Схолы Министорум орут на него, требуя убить кошмар, положить этому конец, прекратить.

- Толстяк, - произнес он, сделав жест в направлении распластанного тела, видневшегося в дверном проеме. - Он держал тебя тут. Почему?

- Через это место проходит много грузов. Видимо, ему нужна была помощь с ними. От того, кто не сможет проболтаться.

- Так он никогда, эээ...

- Он работает своей электроплетью. Наверное, ему это нравится. Заставляет чувствовать себя сильным.

- Другие есть?

- Не здесь. Их отправляют в машину.

Зидаров заморгал. Защелкнув предохранитель пистолета, он убрал тот в кобуру и грубо потер лицо. Затем присел на корточки, положив локти на бедра.

- Зачем? - проговорил он, почти что про себя. - Зачем... делать все это?

Женщина снова улыбнулась ему, с горечью.

- Потому что мы лучше. Мы сильнее. Усерднее работаем. Мы видим все в темноте. Мы справляемся с жарой, справляемся с холодом. Они нас боятся. Они ненавидят нас, они нуждаются в нас, но они нас боятся. Сними с меня этот ошейник, и тоже испугаешься.

Он вспомнил конечности в камере, извивавшиеся, словно змеи. Вспомнил, как быстро появились охранники и как те были упакованы. Да, они боялись. На то, что не является очень опасным, столько цепей не надевают.

- Это смертный приговор для меня, ты понимаешь? - спросил он. - Просто говорить с тобой.

- Прости за неудобство.

- Ох, да заткнись ты, - зарычал он, едва снова не потянувшись за пушкой. - Черт, заткнись.

Он прижал руки к вискам, массируя их.

- Жаль, что ты здесь. - А затем, тише: - Жаль, что я здесь.

Она глядела на него, не мигая.

Зидаров снова встал. Прошелся назад, потом вперед, ожесточенно думая. Вонь это усложняла. От нее мысли путались.

- Я не верующий человек, - сказал он. - Будь я им, ты бы сейчас была уже мертва. Но... не знаю. - Он поднял на нее глаза. - Это погано. Это неправильно. Ненавижу это.

Он подошел к стене, положил на нее руки, ощутил липкое на ладонях.

- Итак, у меня есть священник, который знает, что вы здесь, и хочет, чтобы вы все сгорели. У меня есть владарь, который платит, чтобы вас привозили. Один из них до меня доберется.

Он вернулся назад, к постели. Тяжело уселся на край матраса. Под кроватью он увидел пустые капсулы седативных, топазовые пузырьки, баллончики из-под антисептиков. Зидаров посмотрел на тело женщины, которое теперь почти соприкасалось с его собственным, и заметил язвы от впившихся кандалов, порезы вокруг глаз и рта, края рубцов от электроплети.

Он снова потер лицо, словно мог соскрести сомнение.

- Я знаю, куда отвезли остальных, - сказал он. - Они заперты, под охраной, под землей. У меня есть коды от замков. Я могу рассказать тебе, как туда попасть. Пойди ты туда, позволь я тебе, ты бы смогла их вытащить?

- Да, - отозвалась она ровным голосом.

- Так и думал. - Затем он скривился и посмотрел в потолок. Хватило бы всего одного выстрела. Убрать ее голос из своей головы. Исполнить долг. - Но я не могу помочь тебе сделать это. Понимаешь? Я не могу находиться где-либо рядом с тобой. Все должно выглядеть так, будто ты выбралась. Все равно я бы не вынес тебя. Сломался бы. Убил бы тебя, или ты бы убила меня. Знаешь, как сильно я хочу тебя убить прямо сейчас?

- Да.

- Можешь вытащить их, а потом все проваливайте к черту из Ургеены. Достаньте какую-то одежду, не знаю, закутайтесь, найдите способ убраться. Вы сможете это сделать? Будет нелегко. Сможете это сделать?

- Да.

- Я имею в виду: достать пустотный транспорт. Пока вы на Алекто, за вами будут охотиться.

Она так не разу и не моргнула.

- Почему ты это делаешь?

Это был хороший вопрос. Зидаров попытался встретиться с ней глазами.

- Не знаю. Не спрашивай больше. Я могу передумать. Но это... неправильно. Понимаешь? Я все время имею дело с этими людьми. Их нельзя тронуть. Забываешь даже о ненависти к ним. Их следует ненавидеть - за то, что они делают. За то, как они живут. За то, как обходятся с остальными из нас и зовут это верой или долгом.

Его взгляд переместился на ее ошейник. Это была устрашающая вещь, способная посылать в нервную систему один разряд за другим. Если бы Зидаров расстегнул его, если бы снял оковы, женщина могла бы убить его чрезвычайно быстро. Она была чудовищем. Отклонением.

Она видела, что у него на уме. И не пыталась его ни в чем уверить.

- Этот человек, - проговорила она. Ее взгляд скользнул на толстяка, который лежал лицом в луже собственной крови и слюны. Она посмотрела на него с чистым, беспримесным отвращением.

- Ага, нужно, чтобы он умер. Мне все равно, что ты сделаешь, как ты это сделаешь, но что бы от него ни

осталось, позаботиться о том, чтобы не нашли пулевую рану или наручники. Я не могу быть замешан. Ты выбралась самостоятельно, каким-то образом. Ясно?

- Ты так боишься, - сказала она.

- Всего. Вот таково быть человеком.

- Откуда мне знать.

Отчасти ему хотелось расспросить ее. О том, откуда они, как их поймали, как проходил путь, куда бы они отправились, если бы могли. В нем говорил пробатор, но что это меняло? Запрет на знание был так силен. Лучше не знать. Лучше жить в неведении, чем сгореть просвещенным.

Потом он снова посмотрел на ее ошейник. Сломать, провернуть - и его нет. Мутант окажется на свободе. Зидаров не мог шевельнуть руками, чтобы сделать это. Они были словно из свинца.

Но затем он заставил себя, действуя поспешно, чтобы не отступить. Одно быстрое движение - и обруч свалился, обнажив натертую докрасна шею.

Он застыл, осознав, что наделал. На миг глаза женщины вспыхнули, вдруг наполнившись ненавистью и энергией. Она была вольна атаковать, разорвать кандалы и наброситься на него, отплатив за всю боль. Она могла это сделать. Они оба понимали это.

- Как твое имя, человек? - спросила она.

- Агусто, - ответил он пересохшим ртом.

- Ты хочешь узнать мое имя?

- Нет.

Она улыбнулась в третий раз. Теперь улыбка была не кислой, а жестокой, бодрой и полной неприкрытой злобы.

- Тогда тебе следует убраться отсюда, Агусто, - произнесла она. - Убраться быстро. Будет грязно.

Он сделал, как она сказала. Остаток ночи он не спал. Следующий день прошел в неясном оцепенении и волнении. Он проигнорировал еще одно сообщение от Аспарева, отключил свою радужку, не появлялся в Бастионе. Очередная ночь выдалась почти такой же бессонной - каждый раз, закрывая глаза, он видел ухмылку белых губ мутанта. В конце концов, ближе к рассвету изнеможение унесло его за грань, и он получил несколько часов забытья.

Далее днем он сделал несколько запросов через инфо-облако, проверяя наличие сообщений о нарушениях в юрисдикции как Ургеены, так и Корска. Провел кое-какой анализ, а также заглянул в записи Министорума и Регио Кустос на предмет задержаний носителей отклонений, о каковых там не говорилось.

Покончив с этим, Зидаров уже больше не мог тянуть. Моргнув, он послал сообщение персоналу Аспарева, и не прошло и часа, как он уже направлялся в общину.

К тому времени, как он снова попал в тот офис с плюшевыми коврами и дорогой мебелью, за глазами

уже ощущалась нарастающая боль. Жара по дороге была, если уж на то пошло, еще сильнее, чем прежде. Он не выпил достаточно воды, а рана, полученная от силовой палицы, упорно не желала заживать. Ему казалось, будто он разваливается на части.

Похоже, Аспарев был не слишком рад его видеть. Выверенно-любезное поведение священника на сей раз было чуть более нервным, словно нажитая им учтивая сдержанность пресекала любые открытые проявления раздражения.

- Наконец-то отчет, - произнес он, как только Зидаров сел. - Я уже начал задаваться вопросом, получу ли его.

- Все оказалось сложно.

- Разве так не всегда?

- Не каждый раз.

- Тогда отчего бы вам не рассказать мне все.

Зидаров скрестил руки и устроился в кресле.

- Ваши источники были правы. В Востоке присутствовали отклонения. Я проверил заявления. Провел кое-какую работу, чтобы выяснить, откуда они могли браться. Проблема заключалась в том, что след вел не только из Востоки, но и вообще за пределы Ургеены. У меня нет полномочий вне Ургеены. Поэтому я мало что мог сделать. Я всерьез начал раздумывать подать запрос на ордер-экзитус, чтобы иметь возможность посмотреть, но это занимает время.

Аспарев смотрел на него так, словно Зидаров был каким-то неподатливым послушником, пытающимся объяснить, почему он позабыл основные катехизисы. Впрочем, это было хорошо. Аспарев мог сколько угодно считать его дураком, лишь бы не преступником.

- Но теперь похоже, что события вышли за мои пределы, - сказал он.

Аспарев кивнул.

- Да, это так.

- Я больше особо ничего не могу сделать.

- Полагаю, что не можете.

- Но мне кажется, что все, возможно, и так разрешилось само собой.

Аспарев тяжело уставился на него.

- Может и так. Понимаете, я слышал две интересные вещи. Думаю, вам о них уже известно. Во-первых, отклонение на свободе в Корске. Это точно. Именно там они и спускались. Похоже, чудовище каким-то образом вырвалось и убило своего хозяина. А потом оно исчезло. С телом человека сложно было что-либо сделать. С тем, что от него осталось. Разумеется, он получил то, что заслуживал, но монстр скрылся. Хитер, как я вам и говорил.

- Да, у них есть такая слава.

- А затем, в ту же самую ночь, в Востоке уничтожена литейная. Серия неконтролируемых взрывов.

Потеряно много плиток. Мои люди сообщают, что это место было как-то связано с владарем, из-за чего все становится весьма загадочно.

- Опрометчиво, - согласился Зидаров.

- Он не тот человек, с которым стоит связываться.

- Нет, не тот.

- Так что вы об этом думаете?

Зидаров развел руками.

- Ничего. Нас не просили это расследовать. Не знаю, почему. Пока этого не произойдет, у меня не будет никаких теорий.

- Почему же они не просят закон разобраться с этим, как считаете? Они лишились всего. Смотритель убит, потеряно много рабочих.

- Не мне судить. Я не могу заставить их заявить о происшествии. Как вы и сказали, говорят, что это объект владаря. Хотите, чтобы я указывал ему, как вести дела?

Аспарев внимательно его изучал, сузив проницательные глаза и выискивая трещинку.

- Похоже, вы убеждены, что все закончилось. Что мы больше не увидим в Востоке других отклонений.

- Этого я не знаю. Мы будем начеку. Именно для этого мы здесь.

Аспарев поджал губы.

- У меня есть люди на должностях в Регио Кустос. В пустотных портах. Я тоже буду начеку. Я уже послал кое-кого из моих верующих в Корск. Я не намерен позволить этому улечься.

- Это достойно похвалы, отче. Если я смогу как-то вам помочь, известите меня без колебаний.

А затем Аспарев подался вперед, выгнув свою длинную шею. На мгновение в его глазах, совсем как у той женщины, вспыхнуло такое же жестокое удовольствие.

- Вы сильно хромаете, пробатор. Выглядите не слишком хорошо. Вы увидели там что-то, расстроившее вас?

Зидаров посмотрел ему в глаза.

- Я видел чудовищ, да, - произнес он.

- Но теперь они исчезли.

- Нет. Не совсем.

После этого он встал, повернулся и начал уходить.

- Это еще не конец, пробатор, - окликнул его Аспарев. - Я наблюдаю за вами. Он наблюдает за вами. Знайте: в итоге виновный выдаст себя.

- Рад слышать это, - сказал Зидаров, шагая к двери и не оборачиваясь. - Потому что когда настал

момент, я ничего не сделал. Вам ясно? Вообще ничего.

Он продолжал следить за сводками Бастиона. Проверая их, он всякий раз ожидал увидеть рапорт настоятелей или, может быть, подразделения санкционеров – перехвачены отклонения, транспорты уничтожены, начато расследование.

Этого так и не случилось. Через какое-то время он перестал проверять. Либо они как-то выбрались из Ургеены, либо погибли в ее лабиринтах. Он не знал, что чувствовать по поводу любого из этих вариантов. В чем-то было лучше, чтобы они умерли – Галактика очистилась бы от их скверны. Лучше, чтобы они скрылись – из эгоистических соображений. Не будет никаких рассказов, не найдут никаких тел. Но в этом случае – что ему думать о собственном прегрешении? Что он смотрел мутанту в глаза, мог убить того, но отпустил? Был ли это грех, ведущий к проклятию? Будет ли из-за этого его душа вечно гореть, как говорили жрецы?

Он вспомнил, как женщина вела себя с ним. Помнил ее сардоническую, полную боли улыбку. Потом он подумал о том, что сделал толстяк, что сделала Гордова и что сделал бы Аспарев, представься тому хоть полшанса.

Он проехал через изнемогавший от жары город, поднимаясь выше, вдоль торговых гряд, откуда можно было мельком заметить суборбитальные диски. Добравшись до вершины, он припарковался, опустил дверное окно и посмотрел вверх.

Пустое небо расчерчивали следы от транспортников – белые на синем, исчислявшиеся десятками. Каждый день одно и то же: круговерть движения, товары спускаются, товары поднимаются.

Зидаров немного понаблюдал за ними. Он представлял, что может находиться в этих трюмах.

- Если вам удалось, – тихо произнес он, – удачи вам.

1. Ночная (выс. готик).
2. Второй час (выс. готик).
3. Дневная (выс. готик).

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Отклонение_/_Aberrant_\(рассказ\)&oldid=17564](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Отклонение_/_Aberrant_(рассказ)&oldid=17564)

Эта страница в последний раз была отредактирована 15 августа 2021 в 20:40.